

Видовые приставки в языковом контакте (на материале молиско-славянского, резьянского и верхнелужицкого микроязыков)

Вальтер Брой, Малинка Пила, Ленка Шольце

1. Общая ситуация

Наша коллективная статья посвящена судьбе глагольного вида в славянских микроязыках в ситуации контакта с неславянскими языками, а именно: деривационной оппозиции НСВ : СВ и флективно-аналитической оппозиции имперфекта и перфекта. В центре внимания находится видовая роль глагольных приставок.

Речь пойдет, главным образом, о контакте резьянского микроязыка в северной Италии и молиско-славянского микроязыка в южной Италии с итальянским языком и его местными разновидностями, а также верхнелужицкого разговорного микроязыка с немецким языком, ср. Таблицу 1. Для сравнения здесь добавлен также и градищанско-хорватский (бургенландско-хорватский) микроязык в австрийском Бургенланде, на который мы в дальнейшем только коротко сошлемся¹.

Таблица 1.

Ситуация языкового контакта в славянских микроязыках

	Микроязык	Доминантный язык
→	Резьянский (РЕЗ)	итальянский
южнославянский →	Молиско-славянский (МСЯ)	итальянский
→	Бургенландско-хорватский (БЛХ)	немецкий
западнославянский	Верхнелужицкий (разговорный, ВРЯ)	немецкий

Эта таблица является упрощением реальных, более сложных контактных ситуаций, как на синхроническом, так и на диахроническом уровне, изображенных в Таблице 2, где представлены также разговорные и диалектальные разновидности доминирующих языков. Кроме того, мы кос-

¹ См. более подробное сравнительное описание контактных ситуаций верхнелужицкого, бургенландско-хорватского и молиско-славянского микроязыков в Breu *et al.* (2017: 55-70).

немся и других языков, которые наряду с нынешними доминирующими языками также находятся или находились в контакте с рассматриваемыми микроязыками, напр.: неаполитанский литературный язык в случае молизско-славянского, фриульский и немецкий языки в случае резьянского, или венгерский в случае бургенландско-хорватского, а также чешский в случае верхнелужицкого языка.

Таблица 2.

Комплекс языковых контактов славянских микроязыков

Семья языков	Микроязык	Доминирующий язык
	Резьянский (РЕЗ)	итальянский стандарт, итальянская разговорная речь, венецианский диалект, фриульский язык, немецкий язык и его диалекты
южно-славянский	Молизско-славянский (МСЯ)	итальянский стандарт, итальянская разговорная речь, молизский диалект, неаполитанский литературный
	Бургенландско-хорватский (БЛХ)	немецкий (австр.) стандарт, немецкая разговорная речь, бургенландский диалект, венгерский язык
западно-славянский	Верхнелужицкий (разговорный) (ВРЯ)	немецкий стандарт, немецкая разговорная речь, саксонский диалект, чешский язык

Мы здесь можем только очень коротко остановиться на внеязыковом историческом контексте и сегодняшней ситуации славянских меньшинств в контактных ареалах. В общем, можно сказать, что только лужичане «автохтонны» в своих сегодняшних районах поселения в восточной Германии, так как живут там уже с восьмого столетия, в то время как немцы поселились там позже². За последнее время область распространения серболужицкого населения сильно уменьшилась, прежде всего, это касается ареала распространения повседневно употребляемой живой речи, которую мы называем «верхнелужицкий разговорный язык». Эта разновидность верхнелужицкого языка, на котором в настоящее время говорит около 10000 человек, возникла только после второй мировой войны на основе «католического» диалекта на юго-западе области распространения верхнелужицкого языка в 19-м столетии³. Верхнелужицкий разговорный язык сильно отличается от

² О теории миграции лужичан и их иммиграции в восточную Германию на основе языковых данных ср. Schuster-Sewc (1998).

³ В центре этого ареала находятся общины *Ralbitz/Rosenthal* и *Crostwitz*. О социолингвистической классификации верхнелужицкого разговорного языка

пуристического литературного стандарта на всех языковых уровнях, в том числе и в видовой системе.

Другие контактные ситуации, затронутые в настоящей статье, возникли вследствие переселения южных славян в районы, где уже жило иноязычное население. Самым старым языковым «островом» из них является долина реки Резия⁴, куда славяне, родственные сегодняшним словенцам переселились уже более тысячелетия тому назад из Каринтии, т.е. с севера⁵. В те времена в этом ареале, кроме романских языковых разновидностей, важную роль играл также и немецкий язык. С другой стороны, контакт со словенским языком и его говорами был всегда очень ограничен из-за высоких гор, разделяющих резьянскую область от Словении⁶. Все носители резьянского микроязыка, их около тысячи, дву- или трехязычные, так как они также говорят по-итальянски и отчасти – по-фриульски.

Предки сегодняшних молизских славян переселились в Италию в 16-м столетии, а именно из долины реки Неретва в Герцеговине и говорили на штокавско-икавском диалекте сербохорватского диалектного континуума⁷. Самым близким для них литературным языком является хорватский стандарт, но контакт с хорватским был всегда очень ограничен. Единственным главенствующим языком является в наши дни итальянский язык. На молизско-славянском микроязыке говорят только еще в трех селах⁸, носителей этого языка меньше тысячи. Эти села находятся приблизительно в 35-и километрах от адриатического побережья. Говоры этих сел, в принципе,

---

в сравнении с другими разговорными разновидностями славянских языков ср. Scholze (2005; 2008: 24-42).

⁴ На резьянском микроязыке говорят в следующих селах: *Gniva, Oseacco, Prato di Resia, San Giorgio, Stolvizza, Ucceca*. Хотя у каждого села свой собственный говор, они, насколько до сих пор известно, в области глагольного вида не различаются. Большинство примеров в настоящей статье относится к говору села *Stolvizza*.

⁵ О «северном» происхождении резьян свидетельствуют, прежде всего, языковые критерии, общие со словенскими диалектами в Каринтии; ср. труд Steenwijk (1992: 1), основывающийся на работе Ramovš (1928: 108-113).

⁶ Краткий обзор современной и исторической ситуации в резьянской долине и лингвистических исследований в этом ареале в течение двух последних столетий дает Steenwijk (1992: 1-7). Об особенностях резьянской ситуации в сравнении с другими районами с населением словенского происхождения в северной Италии ср. Venacchio (2002: 63-103). Самым крупным языковедом, занимавшимся резьянским языком в 19-м столетии, был Ян Бодуэн де Куртенэ; ср., напр., собрание текстов Baudouin de Courtenay (1895).

⁷ Классическим описанием языка и истории молизских славян является труд Rešetar (1911). О сегодняшней ситуации ср., напр., Breu/Piccoli (2011: xiii-xv) и Breu (2008). Собрание устных текстов встречается в двух томах Breu/Piccoli (2011/2012).

⁸ Названия этих сел – *Acquaviva Collecroce, Montemitro* и *San Felice*. Примеры в настоящей статье взяты преимущественно из говора села Аквавива, в котором живет большинство носителей молизско-славянского микроязыка.

различаются на всех языковых уровнях, но в области вида никаких существенных различий не наблюдается.

Бургенландско-хорватский микроязык также выделился из сербохорватского языкового диалектного континуума, но из ареала, где соприкасаются чакавские, штокавские и кайкавские диалекты. Предки сегодняшних бургенландских хорватов переселились в Австрию (и в соседние районы Венгрии и Словакии) в 16-м столетии⁹. Есть три отдельные области с бургенландско-хорватскими селами в Австрии, на севере, в середине и на юге Бургенланда. Хотя единичные говоры отличаются друг от друга чакавскими и штокавскими особенностями, в области вида существенных различий не наблюдается¹⁰. В отличие от молизских славян, бургенландские хорваты всегда поддерживали отношения с Хорватией, прежде всего через католическую церковь. Однако эти отношения не оказали существенного влияния на грамматическую систему бургенландских говоров.

2. Видовые системы в контакте

Относительно видовых систем доминирующих контактных языков необходимо отметить, что итальянский обладает, по крайней мере, флективной видовой оппозицией имперфекта и перфекта, ограниченной прошедшим временем, и прогрессивной перифразой типа *stare* + деепричастие, в то время как в немецком языке глагольный вид полностью отсутствует. С другой стороны, важную роль в глагольной системе немецкого языка играют приставки, как в формальной области словообразования, так и в семантической области предельности, в то время как итальянские приставки ограничиваются неакциональным лексическим словообразованием.

Иными словами, функционально-семантическое поле аспектуальности в отдельных доминирующих языках довольно разнообразно: итальянский язык, тоже обладающий видовой оппозицией, хотя только во флективной и перифрастической формах и без акциональной роли приставок, противопоставляется безвидовому немецкому языку, в котором важную роль в выражении предельности играют приставки.

Наш анализ основывается, прежде всего, на материале, который мы собрали в рамках двух исследовательских проектов в Констанцском университете, а именно, *EuroSlav2010* (совместно с французским научно-исследовательским институтом LACITO), см. Adamou *et al.* (2013) и *Der*

---

⁹ Об истории бургенландских хорватов ср. классическую работу Breu (1970).

¹⁰ О сегодняшней ситуации бургенландского-хорватского и о научном изучении разновидностей этого микроязыка ср., напр., Neweklowsky (1978: 19-27) и Breu *et al.* (2017: 66-70), а также названную там литературу. Социолингвистической проблематикой занимается, напр., Szucsich (2000).

Verbalaspekt in west- und südslavischen Mikrosprachen (Глагольный вид в западно- и южнославянских микроязыках)¹¹. В дальнейшем речь пойдет о том, каким образом различные видовые свойства контактных языков отражаются на развитии видовых систем в микроязыках, и в частности – о роли приставок в этом развитии.

Сразу видно, что видовая роль приставок в резьянском и молизско-славянском сильно отличается от их роли в верхнелужицком разговорном языке. Например, в отличие от рассматриваемых микроязыков в Италии, в которых приставки не входят в состав средств образования видовых пар у заимствованных глаголов, в верхнелужицком разговорном языке (ВРЯ) новые префиксальные пары вполне возможны, например, в (1а-б) *fönwać / sfönwać* < нем. *fönen* ‘(вы)сушить феном’ или (2а-б) *dušwać so : hudušwać so* < нем. *duschen* ‘принимать / принять душ’:

(1а) *Hdže ha mama? - Ta sej rune wlose fönwe*:PRS.IPFV.3SG. (ВРЯ)

‘Где мама? – Она как раз сушит свои волосы феном.’

(1б) *Ja šće sej wlose sfönwać*:INF.PFV, *ha pon móžemo hić*. (ВРЯ)

‘Я себе [еще] высушу [досл. высушить] волосы, а потом мы можем пойти.’

(2а) *Nešetrebaj tejko wody, ja cem šće so tej dušwać*:INF.IPFV ! (ВРЯ)

‘Не трать так много воды, я тоже хочу еще принять душ!’

(2б) *Fryšne hudušwane*:PTCP.PRF.PASS.PFV.NOM.SG.M *ty nemóžeš won hić, ty budžeš so nazymnić!* (ВРЯ)

‘Только приняв душ, ты не можешь выйти, ты простудишься!’

В исследуемых славянских микроязыках в Италии, видовые пары предельных глаголов¹², заимствованных из романских языковых разновидностей, образуются исключительно с помощью суффиксов: в процессе заимствования итальянские глаголы сначала интегрируются в СВ, а для последующего образования соответствующего глагола НСВ служит именно суффиксация, например, в МСЯ: итал. *fermare* → *fermat* СВ ‘остановить’ ⇒ *fermivat* НСВ ‘останавливать’. Сравните также в (3а-б) суффиксальную

¹¹ В обоих проектах, кроме молизско-славянского и верхнелужицкого разговорного языка исследуется также и бургенландско-хорватский микроязык, в то время как резьянский микроязык, занимающий центральное место во втором, более новом проекте, в *EuroSlav2010* отсутствует. С другой стороны, в *Euroslav 2010* включены также балкано-славянские разновидности, на которых говорят в Греции.

¹² Непредельные глаголы интегрируются как несоотносительные глаголы НСВ, напр., в МСЯ *posedit* ‘иметь, обладать’ < итал. *possedere* или *pizat* ‘весить’ < итал. *pesare* или же *sumiljat* ‘быть похожим’ < итал. *somigliare*, а в РЕЗ *baštet* ‘быть достаточным’ < итал. *bastare*, фриул. *bastâ* и *somajet* ‘быть похожим’ < итал. *somigliare*, фриул. *someâ*.

пару *partit* : *parčivat* < итал. *partire* ‘отправиться / отправляться’ в МСЯ¹³ и в (4а-б) *konsanjet* : *konsanjowet* < итал. *consegnare*, фриул. *consegnâ* ‘доставить / доставлять’ в резьянском¹⁴:

(3а) *Sa ndrthanahu za vit one ka parčivahu*:IPRF.IPFV.3PL. (МСЯ)

‘Они прибывали, чтобы увидеть тех, кто отправлялся.’

(3б) *Je partija*:PRF.PFV.3SG.M *jiz Kruča jistru rana*. (МСЯ)

‘Он отправился из Аквавивы рано утром.’

(4а) *Mario konsanjel*:PRF.PFV.3SG.M *wse gornole*. (РЕЗ)

‘Марио доставил все газеты.’

(4б) *Ko an konsanjowel*:PRF.IPFV.3SG.M *gornole, an spadel od bičiklete*. (РЕЗ)

‘Когда он доставлял газеты, он упал с велосипеда.’

Из этих данных следует, что принципиально различное поведение приставок в отдельных доминирующих контактных языках действительно находит отражение в видовых формах заимствований. В исконной славянской лексике, напротив, во всех трех микроязыках приставочный способ образования видовых оппозиций, в принципе, сохранился, т.е. образование совершенного вида без изменения лексического значения, как например, в (5)-(7), *warić* : *swarić* ‘(с)варить’ в верхнелужицком разговорном, *krest* : *ukrest* ‘(у)красть’ в молизско-славянском и *pisat* : *napisat* ‘(на)писать’ в резьянском языках:

(5а) *Šindźće k nam! Mó warimo*:PRS.IPFV.1PL *spaghetti, ha to jo došč a nadošč za šěch*. (ВРЯ)

‘Приходите к нам! Мы варим спагетти, а их более чем достаточно для всех.’

(5б) *Hdyž maš ty wóbed zwarene*:PTCP.PRF.PASS.PFV.ACC.SG, *zawołaj me!* (ВРЯ)

‘Когда у тебя обед будет готов [= ты пригостишь обед], позови меня!’

(6а) *Nike mislahu ka bihu marijola ka kredahu*:IPRF.IPFV.3PL *blage*. (МСЯ)

‘Некоторые думали, что это разбойники, которые воруют у них скот.’

¹³ Другие примеры предельных глаголов итальянского происхождения, число которых, в принципе, не ограничено, следующие: *surtit* : *surčivat* ‘случиться / случаться’ < итал. *sortire* ‘выйти’, *dečidit* : *dečidivat* ‘решить / решать’ < итал. *decidere*, *mburnat* : *mburnivat* ‘посадить / сажать хлеб в печь’ < итал. диал. *mburnâ* (= итал. *infornare*). О формальной интеграции заимствованных глаголов в различные классы спряжения ср., напр., Вреу (1998: 341-343).

¹⁴ Об интеграции заимствованных глаголов в РЕЗ ср. Benacchio (2009: 189). Другие примеры видовых пар романского происхождения (из итальянского или фриульского), обнаруженные во время исследований в Резии в последние годы, следующие: *provet* : *provawet* ‘(по)пытаться’ < итал. *provare*, фриул. *provâ, špjeget* : *špjegawet* ‘объяснить / объяснять’ < фриул. *spiegâ* и *rendikontet* : *rendikontawet* ‘(с) делать отчет’ < итал. *rendicontare*.

(6б) *Je mu surtila ka su mu ukrel*:PRF.PFV.3PL *tuna pinaze*. (МСЯ)
 ‘С ним случилось [так], что у него украли все деньги.’

(7а) *Kar ja si romonila, ti ti si pisel*:PRF.IPFV.2SG (РЕЗ)
 ‘Пока я говорила, ты писал’

(7б) *An jë mu napisel*:PRF.PFV.3SG *no riçeto, ki an mu dal*. (РЕЗ)
 ‘Он ему выписал [досл. написал] рецепт и дал ему его [досл. который он ему дал].’

Несмотря на то, что в отличие от молизско-славянского, в резьянском функции имперфекта сегодня очень ограничены (см. ниже, 3.2), необходимо обратить внимание на тот факт, что имперфект, в принципе, сохранился в обоих славянских микроязыках в Италии, несмотря на потерю аориста, замененного перфектом на *-l*¹⁵. Такое развитие во флективной видовой оппозиции соответствует романской диахронической константе, в то время как собственно славянская диахроническая константа в этой области способствовала бы утрате имперфекта до аориста (Брой 2006: 71-73). Это развитие можно считать кардинальным результатом языкового контакта в области видовых систем.

Правда, синтетические формы прошедшего сохранились также и в верхнелужицком языке, что произошло, несомненно, под влиянием немецкого языка. Но поскольку здесь, в принципе, сохранились формы обеих синтетических граммем (имперфекта и аориста), то нарушений славянской диахронической константы нет. В разговорной разновидности верхнелужицкого языка под влиянием разговорных разновидностей немецкого языка старые синтетические формы так или иначе сменил перфект (Breu *et al.* 2017: 88-92).

3. Видовые особенности славянских микроязыков

3.1. Молизско-славянский язык (МСЯ)

В МСЯ приставки, образующие видовые пары, следующие: *jiz-*, *na-*, *o-*, *po-*, *pro-*, *raz-*, *s-*, *u-* и *za-*; ср. следующие примеры:

(8) <i>mirit</i> : <i>jizmirit</i>	‘измерять / измерить’
<i>brat</i> : <i>nabrat</i>	‘соб(и)рать урожай’
<i>prat</i> : <i>oprat</i>	‘(вы)стирать’
<i>trgat</i> : <i>potrgat</i>	‘соб(и)рать виноград’
<i>budit</i> : <i>probudit</i>	‘(раз)будить’

¹⁵ Последние формы аориста встречаются еще у Бодуэна де Куртенэ, напр., *ja pridüh* ‘я пришел’ в Baudouin de Courtenay (1895: 65, §244). МСЯ утратил аорист полностью еще до первых записей.

<i>dilit</i> : <i>razdilit</i>	‘разделять / разделить’
<i>hladit</i> : <i>shladit</i>	‘охлаждать / охладить’
<i>sa plašit</i> : <i>sa uplašit</i>	‘(ис)пугаться’
<i>kajat</i> : <i>zakajat</i>	‘(со)ткать’

Как было упомянуто выше, префиксальные пары ограничиваются глаголами славянского происхождения, включая, конечно, также древние заимствования до иммиграции в Италию. Надо отметить, однако, что в молизско-славянском есть кандидаты для приставочных видовых пар также и в области заимствований. Но такие «пары» выражают скорее способы глагольного действия, а не видовое различие. Например, в противопоставлениях типа *mandanit* : *zamandanit* < итал. *mantenere* ‘держат, сохранить’ приставочный глагол *zamandanit* выражает только способ глагольного действия ‘коротко и крепко удержать’, а неприставочный глагол *mandanit* является двувидовым¹⁶.

И у исконнославянских глаголов можно наблюдать исчезновение некоторых приставочных видовых пар. Например, *gledat* ‘(по)смостреть’ – двувидовой, в то время как *pogledat* выражает однократный способ глагольного действия, в смысле ‘бросить взгляд’. Другой пример: *pisat* ‘(на)писать’ – двувидовой, в то время как *napisat* выражает способ глагольного действия в значении ‘написать слишком много’. В случае двувидового заимствования *lejit* ‘(про)читать’ < итал. диал. *lejǰə*, приставочных форм вообще нет.

Множество старых префиксальных пар, однако, сохранилось. Они обладают теми же видовыми функциями, что и суффиксальные, в том числе также и в прошедшем времени молизско-славянского языка, где кроме деривационной оппозиции несовершенного и совершенного вида есть также и флективно-аналитическая оппозиция имперфекта и перфекта (вспомогательный глагол *bit* ‘быть’ + причастие на <*/¹⁷).

¹⁶ Есть, правда, некоторые приставочные пары, происхождение которых неясно. На первый взгляд, напр., *mobit* : *smobit* ‘двигать / двинуть’ (< итал. диал. *mòvǎra?*) является исключением из правила, по которому заимствованные глаголы интегрируются в МСЯ как суффиксальные пары. Но в этом случае речь, вероятно, идет о древнем заимствовании, еще до иммиграции, так как глагол *mòvit* существует также в чакавском наречии хорватского языка.

¹⁷ Первоначальное *l* < *lʷ* в причастиях мужского рода МСЯ превратилось во всех трех молизско-славянских говорах в *a*. С другой стороны окончание *i* мн. числа, в котором нет родовых различий, отпало во всех трех диалектах, за исключением говора села Сан Феличе, где оно еще факультативно употребляется. В говорах сел Аквавива и Сан Феличе, окончание *-o* среднего рода ед. числа совпадает с *a* женского рода, но не в говоре села Монтемитро. Итак, в Аквавиве причастные формы, например, глагола *naučit* ‘научить’ звучат так: *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F/N, *naučil*:PL. Соответствующие формы в говоре Сан Феличе *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F/N, *naučil*:PL ~ *naučili*:PL, а в говоре Монтемитро : *naučija*:SG.M, *naučila*:SG.F, *naučilo*:SG.N, *naučil*:PL.

Например, так же, как и глаголы СВ в суффиксальных парах, приставочные глаголы выражают в перфекте однократное, целостное действие, в то время как бесприставочные глаголы НСВ выражают в настоящем времени и в имперфекте процесс, состояние и кратность действий.

С другой стороны, как у суффиксальных, так и у префиксальных пар, наряду с настоящим несовершенного вида и имперфектом несовершенного вида встречаются также и «неоднородные» комбинации настоящего совершенного вида и имперфекта совершенного вида¹⁸. Такие комбинации видовременных граммем, противоречивые с точки зрения основных функций единичных граммем, употребляются для выражения хабитуальной ситуации, в смысле неограниченной кратности действия, чаще всего, при неограниченно кратных цепях действий. Сравните в примере (9) приставочный имперфект СВ *ponesahu* и бесприставочный имперфект СВ *skargahu*. Глагол *skargat* ‘разгрузить’ является заимствованием из итальянского *scaricare*, в котором приставка *s-* носит исключительно лексическое значение¹⁹.

- (9) *One ponesahu*:IPRF.PFV.3PL *džimjenda nondeka*, *ga skargahu*: IPRF.PFV.3PL *vana...*
 ‘Они везли цемент туда, разгружали его на улице...’

Однородные комбинации имперфекта НСВ или соответственно настоящего времени НСВ факультативно тоже возможны в этой функции. Но они, в противоположность неоднородным комбинациям, выражающим здесь однозначно хабитуальность, неоднозначны, так как они обладают также и такими функциями, как процессуальность действия, то есть наряду с таксисной функцией последовательности могут также выражать и одновременность.²⁰

¹⁸ Как известно, такие «противоречивые» комбинации существуют также в болгарском и македонском языках, в то время как в хорватском стандарте и его диалектах имперфект СВ отсутствует.

¹⁹ Точнее говоря, префикс *s-*, как и в итальянском, указывает на лексическую антонимию; ср. *kargat* (*-ngargat*) : *skargat* = итал. (*in*)*caricare* : *scaricare* ‘погрузить : разгрузить’. НСВ выражается с помощью суффиксации: *ngargivat*, *skargivat*. Здесь речь идет, конечно, о заимствованной приставке, которая случайно является омонимом исконно-славянской приставки *s-*, которая является чистовидовой приставкой в видовой паре *cidit* : *scidit* ‘(про)цедить’. Заимствованный антоним может и отсутствовать, как, например, в случае видовой пары *skoprit* : *skoprivat* < итал. *scoprire* ‘открыть’, антонимом которой является исконно славянская пара *pokrit* : *pokrivat*. Иногда лексическая приставка *s-* в заимствованиях имеет только вариативный характер, напр., в случае глаголов *prečipitat* ~ *sprečipitat*, оба СВ, из итал. *precipitare* ‘упасть вниз’. Так как префиксальная форма **sprecipitare* в итальянском не употребляется, *s-* может здесь быть исконно славянской приставкой в смысле ‘вниз’.

²⁰ Изредка настоящее СВ встречается также и в функции исторического настоящего. Об употреблении неоднородных комбинаций видовых граммем в молдско-славянском см. подробнее Брой (2014).

В актуальном настоящем (=однократный процесс или состояние) СВ так же исключен, как и в локализованном имперфекте. С другой стороны, в молизско-славянском, в противоположность русскому или хорватскому, также НСВ в форме перфекта не в состоянии выразить процесс или неограниченное состояние. В прошедшем времени этой функцией обладает исключительно имперфект НСВ.

НСВ в форме перфекта служит только для выражения делимитативности (ограниченной длительности непредельных действий) и, таким образом, соответствует, например, делимитативной префиксации в прошедшем времени у русских глаголов типа *он поработал*, на молизско-славянском *on je rabija*.

Например, в (10а) перфект НСВ *je sija* соответствует русскому *(no)сеял*, только в смысле *(no)сеял определенное время*, в то время как имперфект НСВ *sa sijaša* IPRF.IPFV в (10б) соответствует русскому прошедшему *сеялось* в функции кратности. Та же самая форма в локализованных контекстах, как в (10в), имеет процессуальную функцию, отсутствующую у перфекта. Приставочный перфект СВ в (10г) соответствует русскому прошедшему СВ *посеял*, в то время как имперфект СВ в (10д) соответствует русскому прошедшему НСВ *сеялся* в неограниченно-кратной функции.

(10а) *On je sija*:PRF.IPFV.3SG.M (*dvi ure*) *e je si ga poša*.

‘Он (по)сеял (два часа) и ушел.’

(10б) ... *ke fina agli anni cinquanta sa sijaša*:IPRF.IPFV.3SG s *ralam*.

‘... потому что до пятидесяти годов сеялось с ралом.’

(10в) *Ne biša u grad. Sijaša*:IPRF.IPFV.3SG *van*.

‘В селе его не было. Он сеял на поле.’

(10г) *On je posija*:PRF.PFV.3SG.M *e je sa vrnija subita doma*.

‘Он посеял и вернулся сразу домой.’

(10д) *Mahu posija lan, se posijaše*:IPRF.PFV.3SG *lan atubar*.

‘Я должен был посеять лен, (потому что) лен сеялся в октябре.’

Несмотря на дополнительные специализированные функции неоднородных комбинаций видовых граммем, свойства имперфекта и перфекта МСЯ точно соответствуют употреблению имперфекта и перфекта в итальянском языке. Можно сказать, что флективная видовая оппозиция доминирует над деривационной оппозицией НСВ : СВ.

Класс инцептивно-статических глаголов ISTA²¹ ещё больше приспособился к грамматической системе контактного итальянского языка. Здесь

²¹ Употребляемая здесь классификация глагольной акциональной лексики относится к теоретической модели взаимодействия (интеракции) лексики с видом (аспектом) ПЛА, ср., например, Брой (1997). В славянских языках, в лексемах ISTA глагол СВ выражает начало состояния, выражаемого с помощью соответствующего глагола НСВ, в том смысле, что, напр., ситуация *понимал* следует за ситуацией *понял*, а не наоборот, как в (градуально-результативных) лексемах GTER, напр. *убеждать / убедить*.

в МСЯ мы вообще не встретим префиксальных пар типа *нравиться / по-нравиться*, *видеть / увидеть*, и даже суффиксальные пары типа *понять / понимать* почти полностью отсутствуют. Исключением является суффиксальная видовая пара *roznat : roznavat* ‘познакомиться / быть знакомым’.

В этом классе глаголов, мы сталкиваемся в МСЯ чаще всего с нейтрализацией деривационной видовой оппозиции, которая соответствует общему отсутствию вида этого типа в итальянском. Такую нейтрализацию, которая представляет собой особый тип двувидовости, можно встретить как у заимствованных глаголов этого класса, напр., *kapit* ‘понять / понимать’, *arkordat* ‘вспомнить / вспоминать’, так и у исконно-славянских глаголов типа *rozumit* (синоним глагола *kapit*), в том числе и у таких, которые в русском образуют префиксальные пары, напр.: *vit* ‘(у)видеть’, *znat* ‘(у)знать’²². Несмотря на нейтрализацию деривационного вида, по крайней мере, в прошедшем времени, видовые различия все-таки выражаются, а именно при помощи флексий имперфекта и перфекта, ср. примеры (11а) и (11б):

(11а) *Ona znadaša*:IPRF.3SG *ka oni je bi umbra?*

‘Она знала, что он умер?’

(11б) *Ovi je riva nonda a je znaja*:PRF.3SG.M *ka mi bihma nondeka.*

‘Он прибыл туда и узнал, что мы были там.’

Наличие чисто грамматической оппозиции между ддящимся состоянием в имперфекте и его началом в перфекте, может, наоборот, рассматриваться как косвенное доказательство того, что и в русском следует выделять такие инцептивные (начинательные) видовые пары префиксального типа как *нравиться / по-нравиться* или даже *знать / узнать*, наряду с суффиксальными типа *понять / понимать*, *заняться / заниматься*.

Среди двувидовых или нейтральных инцептивно-статичных глагольных лексем (ISTA) молизско-славянского языка встречаются и такие, которым в русском соответствуют глагольные лексемы, выражающие только состояния, но не их начало. Это вновь происходит абсолютно параллельно их итальянским аналогам, ср. напр.:

(12а) *Jimahu*:IPRF.1SG *džemele.*

= итал. *Avevo*:IPRF.1SG (*due*) *gemelle.*

‘У меня были близнецы.’ [досл. «я имела близнецов»]

(12б) *Pa sa sa udala, sa jimala*:PRF.1SG.F *džemele.*

= итал. *Poi mi sono sposata, ho avuto*:PRF.1SG *le gemelle.*

‘Я вышла замуж, у меня родились близнецы’ [досл. «я получила близнецов»]

²² По терминологии ИЛА, глагол СВ *узнать* принадлежит в русском к двум различным видовым парам: *знать / узнать*₁ (ISTA) и *узнавать / узнать*₂ (GTER). Следовательно, в первой паре действие глагола НСВ следует за действием глагола СВ, а во второй действие глагола НСВ предшествует временной локализации глагола СВ.

Надо признать, что часть глаголов ISTA также и в хорватском языке дву-видовые, напр., *vidjeti* '(у)видеть', *razumjeti* 'понять / понимать', в противоположность парам *znati* НСВ : *saznati*₁ СВ 'знать / узнать'₁ или *svidjeti se* СВ : *svidati se* НСВ '(по)нравиться'. Следовательно, можно сказать, что романское влияние, по меньшей мере, усилило тенденцию, замеченную также в (некоторых) других славянских языках. Но такое необычное превращение глагола состояния в глагол класса ISTA как в случае молиско-славянского *jimet* не встречается ни в одном славянском языке вне ареалов интенсивного языкового контакта; см. также ниже в 3.2 о резьянском.

Имперфект молиско-славянского также обладает и модальной функцией ирреальности, прежде всего – контрафактивности (см. Брой 2014: 340-342), как в примере (13) с имперфектом префиксального глагола СВ *dokj* 'прийти' и имперфектом двувидового глагола *bit* 'быть'. Как видно из итальянского перевода этого предложения, и эта функция могла возникнуть под романским влиянием²³:

- (13) *Si dojaša*:IPRF.PFV.3SG *na daž*, *arkolda biša*:IPRF.3SG *ottim*.
 = итал. *Se veniva*:IPRF.3SG *una pioggia*, *il raccolto era*:IPRF.3SG *ottimo*.
 'Если бы пошел дождь, урожай был бы отличным.'

3.2. Резьянский микроязык (РЕЗ)

Несмотря на то что, в отличие от словенского и его диалектов и благодаря контакту с романскими языковыми разновидностями фриульской области, в резьянском микроязыке формы имперфекта также сохранились (см. выше), важно отметить, что здесь, в отличие от МСЯ, имперфект сочетается исключительно с граммемой НСВ, так что неоднородной комбинации имперфекта СВ не наблюдается²⁴.

С другой стороны, перфект в резьянском также, как и в МСЯ сочетается как с граммемой СВ, так и с граммемой НСВ. Кроме того, перфект НСВ обладает и в резьянском функцией делимитативности (соответствуя дели-

²³ Речь здесь идет о разговорных разновидностях итальянского языка. В стандарте употреблялись бы плюсквамперфект сослагательного наклонения в условной части (*fosse venuta*) и перфект кондиционалиса (*sarebbe stato*) в главной части предложения. Согласно с вышесказанным, данное предложение двусмысленно: без дальнейшего контекста, оно могло бы также обозначать и неограниченно-кратное действие в прошлом. Кроме того, в МСЯ здесь возможна и потенциальная интерпретация, в том смысле, что реализация действия еще возможна (Breu 1999: 246-250).

²⁴ О формах и функциях имперфекта в резьянском микроязыке ср., напр., Steenwijk (1992: 138, 182-183) и Pila (в печати).

митативной префиксации русских глаголов СВ с приставкой *po-*), обычно вместе с обстоятельством времени как в примерах (14а-б):

(14а) *Wčera Marija jě plesala*:PRF.IPFV.3SG.F *dvi ori*.

‘Вчера Мария (по)танцевала два часа.’

(14б) *Si dělala*:PRF.IPFV.1SG.F *nu moja, anu dõpõ si šla miši*.

‘Я немного поработала и затем пошла на мессу.’

Но перфект НСВ в резьянском не ограничивается делимитативной функцией как в молизско-славянском. Он является «нормальным» прошедшим НСВ как в русском или словенском. Из-за этого он может всегда заменять имперфект (НСВ) в его изъявительных функциях для выражения процесса и состояния.

В сегодняшней живой речи замена изъявительного имперфекта перфектом осуществляется почти всегда. Однако в собранном Бодуэном де Куртенэ материале, который относится к концу XIX века, имперфект еще довольно свободно мог выражать эти функции, ср., например, состояние в (15а) и актуально-длительное действие (процесс) в (15б)²⁵:

(15а) *An ni mažšæ*:IPRF.IPFV.3SG *béçoŭ nikár, káj am bil búzac*.

‘Он не имел никаких денег, потому что он был бедняком.’

(15б) *Kó ja si paršâl, an jaedašæ*:IPRF.IPFV.3SG.

‘Когда я пришел, он ел.’

Но также и в современном резьянском языке формы имперфекта еще часто употребляются, а именно для выражения модального, в частности контрафактического значения. Как видно из примеров в (16а-б), в этой функции имперфект модальных глаголов сочетается с инфинитивом главного глагола²⁶:

(16а) *Těšon*:IPRF.IPFV.1SG *radě sněst*:INF.PFV *nu moja marmelade, mo büfol jě bil wžě prazen*.

‘Я бы съел немного варения, но банка была уже пустой.’

²⁵ Приведенные примеры, написанные с сохранением оригинальной орфографии, относятся соответственно к параграфам 14 и 151 (Baudouin de Courtenay 1895: 7; 41). К сожалению, в Baudouin de Courtenay (1895) бесспорные примеры употребления имперфекта в функции многократности отсутствуют. Исключением может быть, пожалуй, следующая ситуация с итеративным компонентом: *Ja tajahon*:IPRF.IPFV.1SG *piščale, k an šel po beke za tajy piščale* (1895: 85, §309) ‘Я вытачивал свирели, в то время как он ходил за хлыстами, чтобы выточить свирели’.

²⁶ Важно отметить, что имперфект в контрафактическом значении очень часто употребляется как в разговорном итальянском языке, так и во фриульском и венецианском диалектах. Как было упомянуто выше, модальные функции наблюдаются в свою очередь и в молизско-славянском, в результате влияния романских разговорных и диалектных разновидностей.

(166) *Mörëšon*:IPRF.IPFV.1SG *prígat dělu, ma nìsi mēla kuraž.*

‘Я могла бы поменять профессию, но я не имела мужества.’

Кроме того, носители резьянского языка употребляют имперфект также и в функции (изъявительного) будущего в прошлом, ср. пример (17), т.е. согласно итальянскому правилу согласования времен, которое встречается, впрочем, также и в молізско-славянском языке (Breu 2011: 157-158), еще один результат языкового контакта, присущего обоим славянским микроязыкам под сильным романским влиянием:

(17) ‘... *ni so tēli jo poznet ano somo bili ostali, da ni tēšajo*:IPRF.IPFV.3PL *mogari spet prīt*:INF.PFV.²⁷

‘... они хотели познакомиться с ней (= долиной Резия) и мы остановились на том, что они, может быть, вернутся.’

Итак, не считая этой чисто временно-таксисной функции, можно сделать вывод, что современный резьянский имперфект потерял изъявительно-видовые функции и перешел к модальному наклонению (Breu 2011:176-177). Следовательно, в прошедшем времени, в отличие от МСЯ, категория вида в резьянском языке опирается исключительно на оппозицию форм перфекта НСВ : СВ, а не на флективную (морфосинтаксическую) оппозицию имперфекта с перфектом.

В противоположность молізско-славянскому, перфект СВ может выразить кроме однократного также и повторяющееся действие, что обнаруживается и в словенском языке, являющемся самым близким к резьянскому славянским стандартным языком²⁸.

С другой стороны обнаруживаются, конечно, и различия между резьянским и словенским языками. Как показывают следующие примеры (18а) и (18б), после фазисных глаголов, обозначающее конец действия, резьянский допускает и употребление СВ, что невозможно в словенском (и почти во всех других славянских языках)²⁹:

²⁷ Конструкция *tēšajo*:IPRF.3PL + *prīt*:INF.PFV в (16а) соответствует в итальянском литературном языке специализированной форме кондиционалиса в прошлом, в данном случае *sarebbero ritornati*. Пример сокращен; полный текст встречается в Negro (2015: 65). Имперфект *mörëšon* в (16б) соответствует имперфекту *potevo* в разговорных разновидностях итальянского.

²⁸ В словенском языке обнаруживается и употребление СВ в контекстах исторического настоящего, гномического настоящего и с перформативными глаголами при выражении совпадения осуществления действия с его высказыванием. Эти значения СВ допускаются и в резьянском языке, но реже; ср. Pila (2017).

²⁹ В Baudouin de Courtenay (1895: 107, §375) обнаруживается и один пример, в котором СВ выступает после глагола, выражающего начало действия: *Anó tō jaě počalo narédet*:INF.PFV *no hýšico* ‘И они начали строить домик’, досл. «начали построить». Также и в МСЯ встречается комбинация фазисных глаголов с СВ управляемого глагола, а именно, когда речь идет о достижении результата дей-

(18a) *Injyn na jë rivala zapët*:INF.PFV *wse wuže*.

‘Сейчас она закончила петь [досл. спеть] все песни.’

(18б) *Ko bon rivala sküet*:INF.PFV *vačerjo, rin se kopet*.

‘Когда я закончу варить [досл. сварить] суп, пойду купаться.’

Как было упомянуто выше, перфект НСВ в резьянском выражает не только делимитативные действия, но и неограниченные состояния, процессы и повторяющиеся действия. В этом отношении резьянский перфект, в противоположность молизско-славянскому перфекту, противоречит также и употреблению перфекта в итальянском языке и в его диалектах. Нельзя исключать возможность, что эта разница объясняется старым влиянием немецкого языка, но надо учитывать и тот факт, что резьянский микроязык не противоречит в этой области общеславянскому развитию перфекта, которое наблюдается, прежде всего, в севернославянских языках, но также и в словенском и сербохорватском языках.

В области морфологии необходимо подчеркнуть еще раз, что для образования видовых пар в современном резьянском микроязыке префиксация не является продуктивной. Как было упомянуто выше, префиксальные глаголы, образующие видовую пару с простым глаголом НСВ, принадлежат, в основном, к исконно славянской лексике (19). Вот несколько примеров из современного резьянского, в которых префиксы *na-*, *po-*, *w-*, *za-*, *s-* встречаются в чисто-видовой функции:

(19) <i>pīsāt</i> :	<i>napīsāt</i>	‘(на)писать’
<i>gledāt</i> :	<i>pogledāt</i>	‘(по)смотреть’
<i>mrit</i> :	<i>wmrit</i>	‘умирать / умереть’
<i>pēt</i> :	<i>zapēt</i>	‘(с)петь’
<i>pičet</i> :	<i>spičet</i>	‘(ис)печь’

Кроме того, правда, встречаются в резьянском также и немногочисленные видовые пары типа *pücināt* : *spücināt* ‘(по)чистить, уб(и)рать’ < нем. *putzen* в (20а-б), которые являются старыми заимствованиями из немецкого языка, раньше игравшего важную роль в качестве языка-модели для резьянского (и словенского)³⁰:

ствия, напр.: *Kada portun je furnija*:PRF.PFV.3SG.M *zgorit*:INF.PFV, *s jenom pertikom su ga čil past*. ‘Когда ворота закончили сгорать [досл. сгореть], они с палкой их опрокинули.’ В верхнелужицком разговорном языке такие комбинации обязательны, если речь идет о предельном употреблении управляемого глагола, напр. *Ja sum šestala*:PRF.PFV.1SG.F *tón tekst šeložič*:INF.PFV. ‘Я прекратила переводить текст’; но надо принять во внимание, что функции вида в этом микроязыке фундаментально отличаются от других славянских языков.

³⁰ Глагол *puzinā* ‘тщательно (по)чистить’ встречается также и во фриульском. Речь идет о параллельном заимствовании из немецкого в обоих языках, так как при непосредственном заимствовании этого глагола из фриульского мы ожидали бы его интеграцию в резьянский как глагол СВ; см. об этом выше.

- (20a) *Ko dilaš? Ja pücinan*:PRS.IPRF.1SG.
 ‘Что ты делаешь? Я убираю (в квартире).’
- (20б) *Kar wonä pëla, ja si spücinala*:PRF.PFV.1SG.F *wsö hišo*.
 ‘Пока она пела, я убрала всю квартиру.’

Другие приставочные пары немецкого происхождения *barbat* : *pobarbat* ‘(о)красить’ < нем. *färben* и *kühat* : *skühat* ‘(при)готовить’ < нем. *kochen*.

У инцептивно-статических глаголов класса ISTA, снова обнаруживается значительное сходство с молизско-славянским микроязыком. Как глаголы исконно славянской лексики, например, *vidět* ‘(у)видеть’, *čot* ‘(у)слышать’, так и заимствованные глаголы этого класса, например, *kapet* ‘понимать / понять’ < итал. *capire*, фриул. *capî* или *plažät* ‘(по)нравиться’ < фриул. *plasê*, в основном являются двувидовыми³¹. Как было уже отмечено в связи с МСЯ (параграф 3.1), здесь можно говорить о нейтрализации деривационной видовой оппозиции. Она соответствует отсутствию этого типа видовой оппозиции в итальянском языке.

В (21) и (22) приводятся примеры употребления глаголов ISTA в резьянском. Напомним, что в отличие от МСЯ, видовые различия не могут выражаться флективной оппозицией имперфекта с перфектом. Поэтому только контекст подсказывает, как нужно интерпретировать ситуацию, а именно в (21а, 22а) как состояние, а в (21б, 22б) как начало состояния³²:

- (21a) *Ko ti si šyl dö par wödi, si čül*:PRF.2SG.M, *da kaku wöda šumi?*
 ‘Пока ты шел вдоль реки, ты слышал, как шумит вода?’
- (21б) *Wsë na den bot jëro an čül*: PRF.3SG.M, *da jüdi so bili dušli*.
 ‘Вдруг священник услышал, что пришли люди.’
- (22a) *Mlë jë plažalo*:PRF.3SG.N *ledet film western*.
 ‘Мне нравилось смотреть ковбойские фильмы.’
- (22б) *Te wčëranji film, an mi plažet*:PRF.3SG.M.
 ‘Вчерашний фильм мне понравился.’

³¹ Кажется, что видовые пары в глаголах ISTA почти полностью отсутствуют в резьянском, в том числе и приставочные пары. Исключением является видовая пара *znät* : *poznät* ‘быть знакомым / познакомиться’, соответствующая по значению вышеупомянутой молизско-славянской паре *poznat* : *poznavat*, которая, как ни странно, тоже является исключением из правила, устанавливающего двувидовой характер глаголов ISTA. Но способы образования пар, как мы видим, как раз противоположные: в резьянском – префиксация, а в МСЯ – суффиксация. Может быть, в резьянском языке исключением, в какой-то степени, является также глагол ISTA *tet* ‘идти / пойти’. Он, правда, двувидовой, но имеются и формы с приставкой *no-*. До сих пор, их употребление еще неясно. Оно требует дополнительных исследований. Возможно, речь здесь идет не о видовом различии, а о функциях в области времени и т.д., как, например, в верхнелужицком языке; см. ниже.

³² В этих примерах дальнейший контекст помогает, в принципе, исключить другие функции обоих видов, в том числе выражение ограниченной и неограниченной кратности и общефактическое значение.

В резьянском, как и в МСЯ (см. 3.1), можно обнаружить инцептивно-статичный глагол *mět* 'иметь', который параллельно итальянскому *avere* выражает не только состояние, но и его начало в смысле 'получить'; см. примеры (23а-б) со словенским и итальянским переводами. В словенском языке соответствующий глагол *imeti* не обладает начинательным значением. Доказательством этого служит тот факт, что в словенском переводе резьянского примера (23б) употребление глагола *imeti* не допускается, а следует употребить глагол *dobiti* 'получить'. Следовательно, в словенском языке глагол *imeti* выражает только состояние и не включается в класс ISTA. Иными словами, он является членом класса релятивно-статичных глаголов RSTA³³.

(23а) *To mēlo*:PRF.IPFV.3DU.M *naa otroka*.

слов. *Imela*:PRF.IPFV.3DU.M *sta enega otroka*.

итал. *Avevano*:IPRF.3PL *un bambino*.

'У них был ребенок.' [досл. «Они имели ребенка.»]

(23б) *To bilo wžēnjano pet lit ano tadej to mēlo*:PRF.IPFV.3DU.M *naa otroka*.

слов. *Po petih letih zakona sta dobila*:PRF.PFV.3DU.M *otroka*.

итал. *Dopo cinque anni di matrimonio hanno avuto*: PRF.PL *un bambino*.

'После 5 лет в браке, у них родился ребенок.' [досл. «...они имели ребенка.»]

Из-за утраты изъявительных функций имперфекта в современном резьянском и в этих примерах установить, идет ли речь о состоянии или о начале состояния, можно только с учётом контекста, так как перфект двусмысленный. В МСЯ, напротив, эта разница выражалась бы как в итальянских переводах, т.е. с помощью оппозиции перфекта с имперфектом. По всей вероятности, характер ISTA (по крайней мере) глагола *mět* развился в резьянском уже в прошлых столетиях в ситуации полной морфосинтаксической видовой оппозиции, которая является необходимым условием для этого развития.

3.3. Верхнелужицкий разговорный язык (ВРЯ)

В верхнелужицком разговорном языке имеется еще более наглядный результат влияния контактных языков, в частности, в области основной семантической функции видовой оппозиции. В то время как в резьянском и

³³ По поводу глаголов ISTA, в отношении резьянского со словенским стандартным языком верно то, что было сказано выше об отношениях молизско-славянского с хорватским. Несмотря на то, что в словенском стандартном языке некоторые глаголы ISTA являются двувидовыми, развитие дополнительных двувидовых глаголов этого класса в резьянском объясняется влиянием видовой системы романских контактных языковых разновидностей. Это особенно очевидно, как в МСЯ, так и в РЕЗ, в случае глагола с первоначальным значением 'иметь'.

молизско-славянском сохранилась общая оппозиция целостности, в ВРЯ она превратилась в оппозицию предельности, но не в лексическом, а в грамматическом смысле. Предельность выражается согласно грамматическим правилам формами СВ, а неопределенность – формами НСВ³⁴. Это касается как исконно-славянских, так и заимствованных глагольных пар. Причиной этого развития являются предельные функции приставок немецкого языка, повлиявшие на видовые функции верхнелужицкого³⁵.

Употребление форм несовершенного вида в верхнелужицком разговорном языке сильно ограничено и встречается, например, в значении хабитуальности в примере (24) с формой НСВ суффиксальной пары *kupić* : *kupwać* ‘купить / покупать’ и в примере (25) с префиксальной видовой парой *wópokwać* : *zwópokwać* ‘(вы)мыть’ или также в случае общефактического значения в (26) с формой НСВ префиксальной пары *redźić* : *huredźić* ‘(о)чистить’³⁶:

- (24) *Něke zyme tla ja žane truskalce nekupwem*:NEG.PRS.IPFV.1SG.
‘Теперь зимой я ведь не покупаю клубнику.’
- (25) *Ja moju mošinu gor netrebem, ja šo z ruku wópokwem*:PRS.IPFV.1SG.
‘Мне моя (посудомоечная) машина вообще не нужна, я все мою руками.’
- (26) *Ja ta tón cajk najskěre po jutrach gor redźil nejsym*:NEG.PRF.IPFV.1SG.M.
‘Я же все это [=конскую сбрую], возможно, после Пасхи вообще не чистил.’

НСВ верхнелужицкого разговорного языка выражает также неопределенные актуальные процессы; см. выше пример *fönwe wlose* в (1a), в непосредственной оппозиции с предельным примером *sfönwe wlose* в (1б).

Кроме того НСВ употребляется также в актуальных ситуациях с предельными глаголами, если речь идет не о результативном осуществлении действия, но о действии как таковом (почему это действие есть?), как в примере (27) с глаголом НСВ суффиксальной пары *dawać* : *dać* ‘да(ва)ть’:

- (27) *Što ha ty jóm zase šokolodu dawěš*:PRS.IPFV.2SG, *tón tak zno přewěle słódkosće jě!*
‘Почему же ты ему опять даешь шоколад, он и без того уже слишком много сладостей ест!’

³⁴ Более подробно о видовой оппозиции в ВРЯ см. Breu (2000: 54-66) и Scholze (2008: 230-247).

³⁵ Такими глаголами в немецком языке являются, например, *bezahlen* (приставка *be-* + глагол *zahlen*) ‘(за)платить’, *aufschreiben* (приставка *auf-* + глагол *schreiben*) ‘запис(ыв)ать’ или *erjagen* (приставка *er-* + глагол *jagen*) ‘добы(ва)ть охотой’.

³⁶ О глагольном виде при повторяемости и хабитуальности в верхнелужицком в сравнении с чешским и русским языками см. Шольце (2015).

Итак, в этих случаях НСВ в ВРЯ употребляется точно так же, как в верхнелужицком литературном³⁷ или русском языке. В отличие от хабитуальности (неограниченной кратности), в случае итеративности (в смысле ограниченной, но не обязательно суммарной кратности), употребляется СВ, так как имеется в виду предельность каждого отдельного действия; ср. пример (28) с формой СВ суффиксальной пары *padać* : *padnyć* ‘падать / упасть’:

(28) *Halina rady tajki comak cóna, hale tón jej šece dele padnje*:PRS.PFV.3SG, *a pon wona swari*.

‘Галина любит сосать такую соску, но она у неё всегда падает [досл. упадет] вниз, а потом она сердится [досл. ругается].’

Также в настоящем историческом в ВРЯ может употребляться глагол СВ, ср. пример (29) с формами СВ супплетивной пары *brać* : *wzać* ‘брать / взять’ и суффиксальной видовой пары *kupić* : *kupować* ‘купить / покупать’. Глагол *hić* ‘идти / пойти’ – двувидовой³⁸ :

(29) *Ja sym jej prajila, zo so mi te rubiško lubi. Da ta za*:PRS.PFV.3SG *te rubiško, dźo*:PRS.3SG *ke kase ha je za mne kupi*:PRS.PFV.3SG.

‘Я ей сказала, что мне нравится этот платок. Тогда она берет [досл. возьмет] тот платок, идет в кассу и покупает [досл. купит] его для меня.’

В этих примерах ВРЯ ведет себя как чешский язык, в котором СВ также употребляется для выражения повторяющихся действий и в настоящем историческом (Stunová 1986). То же самое действительно в бургенландско-хорватском и, в принципе, в молизско-славянском и резьянском³⁹, однако, надо подчеркнуть, что в этих микроязыках, в отличие от ВРЯ, НСВ – это единственный возможный вид для выражения актуальных (в том числе также и предельных) процессов.

Основным отклонением от всех других славянских стандартных и нестандартных языков является именно употребление в ВРЯ глаголов СВ в актуальном настоящем. Согласно общей характеристике вида ВРЯ, речь здесь, конечно, не идет о СВ в смысле русского языка, т.е. о целостности, но о грамматической предельности, например, в предложении (30) с формой СВ суффиксальной пары *kupować* : *kupić* ‘покупать / купить’:

³⁷ О виде в верхнелужицком литературном языке ср., напр., Faßke (1981: 178-196).

³⁸ Приставочные формы как *pónđzem* ~ *pónđu* ‘я пойду’ этого глагола обладают только временной функцией выражения будущего. В императиве с помощью приставочной формы различается дейксис движения, а не вид, например, *dźi* ‘пойди’, *pój* ‘приди’. В прошедшем времени приставочных форм совсем нет; см. Scholze (2014).

³⁹ В обоих микроязыках в Италии настоящее историческое СВ употребляется довольно редко.

- (30) *Čowodla ty tola něk te črije **kupiš**:PRS.PFV.2SG? Čora so te tebi nejsu tak lubili.*
 ‘Почему ты все-таки покупаешь [досл. купишь] эти ботинки? Вчера они тебе не так нравились.’

В предложении (31) описывается одновременность двух действий, причем второе действие выражено глаголом СВ *napisać* ‘записать’, который образован с помощью приставки *na-* от двувидового глагола *pisać* ‘(на)писать’:

- (31) *Also, jen pólicist tam stej ha **napisa**:PRS.PFV.3SG jen strafcetl.*
 ‘Так, стоит там полицейский и пишет [досл. запишет] штрафную квитанцию.’

Как видно уже из этих примеров, также и при употреблении СВ для выражения актуального настоящего нет разницы между префиксальными и суффиксальными парами. Это можно подтвердить с помощью примеров в (32). В примере (32а) речь идет о префиксальной форме СВ заимствованного глагола в паре *lóftwać : hulóftwać* ‘проветри(ва)ть’, в то время как в (32б) употребляется СВ суффиксальной пары *přetwarjeć : přetwarić* ‘перестраивать / перестроить’, а в (32в) мы имеем дело с формой СВ с суффиксом *-n-* пары *wotpočwać : wotpočńć* ‘отдыхать / отдохнуть’.

- (32а) *Ka tóm maš ty zno zas wóknó wočinene? – Ja kus **hulóftwem**:PRS.PFV.1SG, jow bě tajki hubeny lóft.*
 ‘Почему ты снова открыла окно? – Я немножко проветриваю [досл. проветрю], здесь был такой плохой воздух.’
- (32б) *Party žana njebě, budže hakle w februaru, dokelž pola nas **přetwarimy**:PRS.PFV.1PL.*
 ‘Вечеринки не было, будет только в феврале, потому что мы сейчас перестраиваем [досл. перестроим].’
- (32в) *Hdže ha papa? – Tón rune kus **wotpočne**:PRS.PFV.3SG.*
 ‘Где папа? – Он сейчас немножко отдыхает [досл. отдохнет].’

В примере (32б) выражается актуальный процесс действия глаголом СВ *přetwarić* в настоящем времени, а не – как было бы правильно в верхнелужицком литературном языке или также в русском языке – глаголом НСВ *přetwarjeć*, т.е. *přetwarjamy* в настоящем времени. В примере (32в) имеется пара с суффиксом *-n-*, и также в этом случае употребляется форма *wotpočne* глагола СВ *wotpočńć*, а именно в значении актуального настоящего. В этом, как и в других упомянутых примерах, употребление глаголов в форме СВ для выражения актуального процесса объясняется тем, что речь идет именно о предельных процессах, в то время как в верхнелужицком разговорном языке различие между целостностью и нецелостностью не играет никакой роли.

Как в предельных процессах, так и в целостных (предельных) ситуациях, как в (33) с глаголом в прошедшем времени, обязательно употребляется форма совершенного вида, в этом случае в полном соответствии с другими славянскими языками:

- (33) *Tón jo swój motor pŕedał*:PRF.PFV.3SG.M, *dókejš wón tak a tak nejo z nóm jězdžil*.
‘Он продал свой мотоцикл, так как он все равно на нём не ездил.’

Что касается приставок, используемых для образования видовых пар, то в ВРЯ как у исконно славянских, см. (34а), так и у заимствованных глаголов являются продуктивными приставки *na-*, *z-/s-*, *wu-/hu-*, см. примеры в (34б)⁴⁰:

(34а) <i>wuknć</i> : <i>nawuknć</i>	‘(вы)учить’
<i>wópokwać</i> : <i>zwópokwać</i>	‘(по)мыть (посуду)’
<i>rozumić</i> : <i>zrozumić</i>	‘понимать / понять’
<i>rjedzić</i> : <i>hurjedzić</i>	‘уб(и)рать, (вы)чистить’
(34б) <i>štoswać</i> : <i>naštoswać</i>	‘укладывать / уложить’ < нем. <i>auf einen Stoß stapeln</i>
<i>rumwać</i> : <i>zrumwać</i>	‘уб(и)рать’ < нем. диал. <i>rumen, räumen</i>
<i>pakwać</i> : <i>spakwać</i>	‘(у)паковать’ < нем. <i>packen</i>
<i>dušwać</i> : <i>hudušwać</i>	‘принимать / принять душ’ < нем. <i> duschen</i>
<i>rychtwać</i> : <i>zrychtwać</i>	‘(по)чинить’ < нем. <i>(her)richten</i>
<i>lóftwać</i> : <i>hulóftwać</i>	‘проветри(ва)ть / проветрить’ < нем. <i>lüften</i>

Надо подчеркнуть, что приставочные пары заимствованных глаголов в ВРЯ употребляются по тем же видовым правилам как исконно славянские пары, т.е., например, и в случаях использования заимствованной лексики в актуальных предельных ситуациях употребляются приставочные глаголы СВ; ср. кроме вышеназванного примера (32а) с глаголом СВ *hulóftwać*, также и следующие примеры, отвечающие на вопрос типа: *Что ты делаешь?*

- (35а) *Ja te hrajki zrumwem*:PRS.PFV.1SG, *dókejš mó hnydom wópot krónemo ha te šće so šes to kopola*.
‘Я убираю [досл. уберу] игрушки, потому что скоро будем принимать гостей и они могли бы споткнуться.’
- (35б) *Te zno něke hich wěce spakweja*:PRS.PFV.3PL, *wěčor nejúdze jac čas za to*.
‘Они сейчас уже пакует [досл. упакует] свои вещи, вечером не будет времени на это.’

3.4. Бургенландско-хорватский язык

Предлагаемая гипотеза о зависимости судьбы видовых приставок от структуры доминирующего языка подтверждается видовой ситуацией в бур-

⁴⁰ Об интеграции заимствованных глаголов в ВРЯ ср. Scholze (2008: 254-255, 301-302). Несмотря на то, что в этой разновидности верхнелужицкого языка многие заимствованные глаголы являются двувидовыми, префиксация является все еще важным элементом интегрирования новых глаголов в видовую систему, в противоположность имперфективирующей суффиксации.

генландско-хорватском языке в Австрии, который также находится в тесном контакте с немецким. И в этом микроязыке, среди заимствованных глаголов встречаются кроме двувидовых глаголов также и префиксальные пары, например, *farbat* : *po^ofarbat* ‘(о)красить’ < нем. *färben*’ или *rihtat si* : *narihtat si* ‘приготавливать / приготовить для себя’ < нем. ‘für sich (her)richten’ (Breu *et al.* 2017: 95-96). С другой стороны и здесь, как и в ВРЯ, суффиксация не используется для образования новых видовых пар из заимствованных глаголов. Важная роль предельности и в этом микроязыке подтверждается почти исключительным употреблением СВ в настоящем историческом, как в (36a), а также в неограниченно кратных ситуациях, выраженных в настоящем времени как в (36б):

(36a) *Uon zame*:PRS.PFV.3SG *nje^oguove čizme, i stavi* PRS.PFV.3SG *je na glavu.*

‘Он берет [досл. возьмет] свои сапоги и переворачивает [досл. перевернет] их.’

(36б) *Čuda ljudi duojde*:PRS.PFV.3SG *da glieda.*

‘Много людей приходят [досл. придут], чтобы посмотреть.’

Тот факт, что в бургенландско-хорватском, в отличие от верхнелужицкого разговорного языка, все-таки не развилась оппозиция грамматической предельности, объясняется, по всей вероятности, постоянными связями с хорватским языком в течение столетий после эмиграции, которые поддерживали типично славянскую оппозицию перфективности.

4. Заключение и перспективы

Подытоживая, можно сказать, что различная роль приставок в доминирующих языках оказала очень серьезное влияние на видовые системы славянских микроязыков, как на формальном, так и на функциональном плане. В двух микроязыках, находящих под романским влиянием (РЕЗ, МСЯ), префиксация утратила свою продуктивность для образования видовых пар, в то время как в двух микроязыках, находящихся под влиянием немецкого языка, префиксация является также и в заимствованных глаголах важным видовым формантом. Только в микроязыках под романским влиянием флективная оппозиция имперфект : перфект еще играет важную роль, однако только в МСЯ это происходит в полном соответствии с итальянской моделью, в то время как в современном РЕЗ имперфект утратил свои видовые функции в изъявительном наклонении. В инцептивно-статических глаголах преобладание романского видового типа особенно наглядно. Все четыре микроязыка формально сохранили деривационную оппозицию НСВ : СВ, но в ВРЯ влияние приставок немецкого языка вызвало глубокую перестройку функциональной системы вида.

Несмотря на то, что нами были выявлены основные особенности славянских микроязыков, многие детали все еще остаются неизвестными. Они

станут предметом дальнейших полевых исследований. В настоящий момент результаты исследований сотрудников научного проекта в университете г. Констанц, посвящённого глагольному виду в славянских микроязыках, включаются в различные электронные базы данных с учетом видовых особенностей. В основном, они основываются на разборе устных текстов и содержат как соответствующие примеры предложений, так и видовой анализ отдельных глаголов, в том числе и информацию о способе образования видовых пар. Таким образом, банки данных также позволяют, например, легко получить информацию об использованных приставках в чистовидовых парах.

Библиография

- Брой 1997: В. Брой, *Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем. (иерархическая модель компонентов)*, in: С. Кароляк (отв. ред.), *Семантика и структура славянского вида. II*, Kraków 1997, 49-72.
- Брой 2006: В. Брой, *Флективный и деривационный глагольный вид в молізско-славянском языке*, "Вопросы языкознания", 2006/3, 70-87.
- Брой 2014: В. Брой, *Функции настоящего и имперфекта совершенного вида и перфекта несовершенного вида в молізско-славянском микроязыке*, "Scando-Slavica" 60, 2, 2014, 321-350.
- Шольце 2015: Л. Шольце, *Глагольный вид и повторяемость/хабитуальность в верхнелужицком и чешском языках (в сравнении с русским языком)*, in: Р. Бенаккьо (под ред.), *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*, München 2015. 451-466.
- Adamou et al. 2013: E. Adamou, W. Breu, G. Drettas, L. Scholze, *Elektronische Datenbank bedrohter slavischer Varietäten in nichtslavophonen Ländern Europas (Deutschland-Italien-Österreich-Griechenland)*. Konstanz, Paris 2013. <<http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe>>.
- Baudouin de Courtenay 1895: J. Baudouin de Courtenay, *Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie, I, Resianische Texte; gesammelt in den Jj. 1872, 1873 und 1877, geordnet und übersetzt von Baudouin de Courtenay*, St. Petersburg 1895.
- Benacchio 2002: R. Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*, Udine 2002.

- Benacchio 2009: R. Benacchio, *Il contatto slavo-romanzo nel croato del Molise e nei dialetti sloveni del Friuli*, in: L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten*, Bochum 2009, 177-191.
- Breu 1970: J. Breu, *Die Kroatensiedlung im Burgenland und in den anschließenden Gebieten*, Wien 1970.
- Breu 1998: W. Breu, *Romanisches Adstrat im Moliseslavischen*, "Die Welt der Slaven", 43, 1998, 339-354.
- Breu 1999: W. Breu, *Der Konditional im Moliseslavischen. Ein Beitrag zur Kontaktlinguistik*, in: K. Grünberg, W. Potthoff (Hrsg.), *Ars Philologica*, Frankfurt a.M. etc. 1999, 243-253.
- Breu 2000: W. Breu, *Der Verbalaspekt in der obersorbischen Umgangssprache im Rahmen des ILA-Modells*, in: W. Breu (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 1999*, München 2000, 37-76.
- Breu 2005: W. Breu, *Verbalaspekt und Sprachkontakt. Ein Vergleich der Systeme zweier slavischer Minderheitensprachen (SWR/MSL)*, in: S. Kempgen (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Slavistische Linguistik 2003*, München 2005, 37-95.
- Breu 2008: W. Breu, *Moliseslawisch (Slawisch in Süditalien)*, in: U. Ammon, H. Haarmann (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Wieser Enzyklopädie. Sprachen des europäischen Westens. Zweiter Band*, Klagenfurt 2008, 241-249.
- Breu 2011: W. Breu, *Il verbo slavomolisano in confronto con altre lingue minoritarie: mutamento contatto-dipendente, resistenza e sviluppo autonomo*, in: W. Breu (a cura di), *L'influsso dell'italiano sul sistema del verbo delle lingue minoritarie. Resistenza e mutamento nella morfologia e nella sintassi*, Bochum 2011, 149-184.
- Breu, Piccoli 2011-2012: W. Breu, G. Piccoli, *Südslavisch unter romanischem Dach. Die Moliseslaven in Geschichte und Gegenwart im Spiegel ihrer Sprache. Teil I. Texte gesprochener Sprache aus Acquaviva Collecroce. Teil II. Texte gesprochener Sprache aus Montemitro und San Felice del Molise*, München 2011-2012.
- Breu et al. 2017: W. Breu, J. Meinzer (Berghaus), L. Scholze, *Der Verbalaspekt im totalen Sprachkontakt. Moliseslawisch, Obersorbisch und Burgenlandkroatisch im Vergleich*, in: W. Breu, T. Reuther (Hrsg.), *Slavistische Linguistik 2014. Referate des XL. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens [Wiener Slawistischer Almanach 77]*, Frankfurt/M. 2017, 55-116.
- Faßke 1981: H. Faßke (unter Mitarbeit von S. Michalk), *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*, Bautzen 1981.

- Negro 2015: L. Negro, *Dwisti lit Muzea tu-w Reziji*, in: Namor I., Trusgnach L. (a cura di), *Trinkov Koledar 2016*, Pasian di Prato 2015, 65-67.
- Neweklowsky 1978: G. Neweklowsky, *Die kroatischen Dialekte des Burgenlandes und der angrenzenden Gebiete*, Wien 1978.
- Pila 2017: M. Pila, *Die Verwendung des perfektiven Aspekts im Russischen, Slovenischen und heutigen Resianischen*, "Bavarian Working Papers in Linguistics", 6, 2017, 81-94, <<https://epub.ub.uni-muenchen.de/view/subjects/13282.html>>.
- Pila (в печати): M. Pila, *Das Imperfekt im Resianischen: Formen und Funktionen* (Kolloquiumskonferenz slavistische Linguistik, Zürich, 19-20. XII. 2015).
- Ramovš 1928: F. Ramovš, *Karakteristika slovenskega narečja v Reziji*, "Časopis za slovenski jezik, književnost i zgodovino", 7, 1928, 107-121.
- Rešetar 1911: M. Rešetar, *Die serbokroatischen Kolonien Südtaliens*, Wien 1911.
- Scholze 2005: L. Scholze, *Serbska wobchadna reč mjez standardom a dialektom w nutrkosłowjanskim přirunanju*, "Lětopis", 52 (2), 2005, 74-96.
- Scholze 2008: L. Scholze, *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Mit Grammatiktafeln im Anhang*, Bautze 2008.
- Scholze 2014: L. Scholze, *Werby pohiba w hornjoserbšćinje přirunajo z ruščinu*, in: I. Łuczaków, M. Sarnowski (eds.), *Wyras i zdanie w językach słowiańskich 8 (opis, konfrontacja, przekład)*, Wrocław 2014, 451-462.
- Schuster-Šewc 1998: H. Schuster-Šewc, *Die späturslavischen Innovationen und ihre Widerspiegelung in der Isoglossenstruktur des Sorbischen*, "Lětopis", 45 (1), 1998, 31-50.
- Steenwijk 1992: H. Steenwijk, *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*, Amsterdam etc. 1992.
- Stunová 1986: A. Stunová, *Aspect and Iteration in Russian and Czech. A contrastive Study*, in: A.A. Barentsen, B.M. Groen, R. Sprenger (eds.), *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam 1986, 467-501.
- Szucsich 2000: L. Szucsich, *Das Burgenlandkroatische: Sprachwandel, Sprachverfall, Sprachverschiebung und Sprachassimilation*, in: L.N. Zybatow (Hrsg.), *Slavistische Linguistik Sprachwandel in der Slavia: Die slavischen Sprachen an der Schwelle zum 21. Jahrhundert. Ein internationales Handbuch*, Frankfurt/M. etc. 2000, 853-875.

Abstract

Walter Breu, Malinka Pila, Lenka Scholze

Aspectual prefixes in language contact: evidence from Molise Slavic, Resian and Upper Sorbian micro-languages

This paper deals with West and South Slavic micro-languages in situations of absolute language contact with German (Upper Sorbian) and Italian (Molise Slavic, Resian). Although the Slavic derivational way of expressing verbal aspect (imperfective vs. perfective) has been preserved throughout, aspect usage has been influenced by the dominant contact languages. This is especially true of Colloquial Upper Sorbian, which has replaced the original Slavic opposition based on the feature of totality with a new system based on telicity that goes back to the telicizing function of German prefixes. While prefixes keep their role of forming perfective partners with native Slavic lexemes, their behaviour in borrowings varies according to the individual contact situations. Sorbian, which was influenced by German, is able to form prefixed partners even from loan verbs. The same holds true of Burgenland Croatian, referred to in this paper for the sake of comparison. On the other hand, Resian and Molise Slavic borrow Italian telic verbs exclusively as perfectives, forming their imperfective partners by means of suffixation. This difference is explained by the different roles of prefixes in the contact languages, which even applies in the case of older loan verbs in Resian going back to former German influence.

Keywords: Slavic microlanguages, language contact, prefixes, loan verbs, telicity